

Соотношение исторического и современного аспектов развития общества в процессе глобализации

Кацапова И.А.,
кандидат философских наук,
старший научный сотрудник ИФ РАН
E-mail: katsapova@gmail.com

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы современного этапа глобализации, оказывающей активное воздействие на общественно-исторические формы развития обществ, государств. Акцентируется внимание на том, что современный социально-политический кризис в мировом масштабе породил проблему резкого обострения международных отношений, а также проблему радикального обновления социальных и культурных смыслов. Рассматривается процесс интеграционных тенденций для стран и народов, а также освещается проблема межкультурной интеграции. Затрагивается тема плюрализма учений о праве и плюрализм правовых порядков. Раскрывается характер воздействия глобальной экономики на процессы изменений в традиционных государствах и правовых системах. Рассматривается характер развития глобализации — соотношение ее функциональной и институциональной сторон.

Ключевые слова: глобализация, интеграция, культура, общество, государство, человек, право, закон.

Современные процессы, охватившие практически все мировое сообщество, поставили перед человечеством множество проблем, одной из которых является проблема поиска новых форм цивилизационного развития. Рассматривая в общих чертах тенденции культурного развития и социального преобразования, можно сказать, что они сориентированы на формирование таких форм жизни как создание «новой картины мира», или «нового порядка». Социокультурные установки такого рода формируют, правда, не столько новые формы жизни, сколько новые смыслы социального развития. В рамках современного социально-политического и культурного преобразований серьезному испытанию подвергаются привычные и вполне приемлемые для международных связей и отношений формы сотрудничества, а также сформулированные и апробированные человечеством в процессе исторической эволюции универсальные смыслы и ценности общественной жизни. Привычные формы социальной жизни поставлены сегодня в условия формирования почти глобальной опасности — опасности инфляции идеалов и идей. Однако независимо от того насколько по новому звучат и на что ориентируются установки концепции «нового порядка жизни», все смыслы социальной жизни в конечном итоге сводятся к фундаментальным проблемам соотношения мира и войны, жизни и смерти, добра и зла.

Развернувшиеся сегодня дискуссии о перспективах глобального и национального развития нацелены в том числе и на возможность осмысления такой насущной проблемы как роль глобализации в развитии национальных государств. Понятно, что весь утопизм и все погрешности идеи глобализации можно объективно проанализировать только сейчас, когда практически стали очевидными все просчеты интеллектуалов, формировавших саму идею *мирового*

пространства. И, разумеется, более объективно, правда, не столь оптимистично и фанатично, можно говорить сегодня как о положительных, так и о негативных сторонах глобализации, ориентируясь, конечно, на эмпирически апробированные результаты. Можно рассуждать о проблемах, связанных не только с внутренней динамикой самого процесса объединения, но и о дилемме нерешенного конфликта целей. И, главное, важно даже не столько теоретически и методологически, сколько практически иметь четкое представление о глобализации как о современном феномене, оказывающем столь активное воздействие на общественную и государственно-правовую жизнь всех без исключения и стран и народов.

Процесс глобализации воспринимался прогрессивно мыслящими интеллектуалами с оптимизмом как процесс «естественноисторической реальности», как попытка создания «нового мирового порядка», которому нет альтернатив. И не важно, что оставались, впрочем, и до сих пор остаются, несмотря на довольно длительный период изучения как отечественными, так и зарубежными авторами, спорными и неопределенными вопросы, как о самом понятии «глобализация», так и о порождаемых этим процессом проблемах. Многочисленные исследования, наивно, вследствие сложности и многоаспектности самого процесса глобализации, который невозможно отразить адекватно в одном понятии, породили множество различных представлений о нем. В литературе даже существует такой фразеологический оборот как «спектр мнений о глобализации».

Некоторые теоретики концепции «глобализация» обращают внимание на то, что понятия: «глобализм», «глобализация» страдают неопределенностью. И, надо заметить, не только в политическом плане, но и в социальной, равно как

и в юридической, сферах. В дискурсах о глобализационных процессах в юридической науке, например, широко обсуждается вопрос о «юридическом содержании термина «глобализация». Но парадоксальность этого момента заключается в том, что понятие «глобализация» ни в сфере общего права, ни в какой-либо другой отрасли права (соответственно, это касается и международного права) «не определено»¹. Термин «глобализм» отсутствует в юридическом лексиконе. Некоторые авторы подчеркивают также и то, что, будучи юридически нейтральным, понятие «глобализм» «может быть использовано для разных целей, в том числе и антигуманных»². В таком случае возникает вопрос: на каком уровне вообще возможно правовое регулирование межгосударственных отношений, если не существует выработанной системы норм?

Оптимисты процесса глобализации ориентировались, прежде всего, на то, что это путь к новым возможностям и новым вершинам и что глобализации сопутствует вектор положительной динамики исторического развития. Понятие «глобализация» предполагало взаимодействие стран *разного* цивилизационного типа. Не вполне понятно, в таком случае, почему глобализация позитивно проявляется лишь в развитых — экономически, технологически, информационно — странах, тогда как относительно остальных государств можно констатировать то, что здесь в большей мере проявляются ее негативные стороны. Апологеты глобализации, приняв в качестве общепризнанной идею «единого мирового пространства» — порядка, ориентировались на то, что международные и межгосударственные отношения, преодолевая рамки национальной замкнутости, будут выстраиваться в границах *единого* правового поля и прежде всего с ориентиром на принципы международного права. Конечно, для того исторического времени эта идея казалась прорывом теоретической мысли, но, как выяснилось, все это не касалось ее практической стороны. Анализируя методологические основы глобализации, отечественный политолог А.С. Панарин, стоявший у истоков формирования идеи глобализации в России, пытался развенчать «оптимистическо-апологетический фатализм» авангардистов глобализации в их представлении о характере этого процесса в качестве объективного, закономерного и безальтернативного для развития нацио-

нальных государств³. Насколько он оказался прав, стало очевидно только сейчас.

Основной мотив идеологического кризиса глобализации Панарин связывал с «особым разрывом типов социального времени, характерных для элит, с одной стороны, туземных масс — с другой»⁴. Конечно, рассматривал он такого типа отношения более локально, в основном ориентируясь на последствия процесса глобализации для России. Политолог считал, что «элиты и массы входят в глобальный мир с *неодинаковой скоростью*»: «чем больше пространство элит глобализируется, делаясь особо открытым и мобильным», тем больше «пространство масс локализуется, сегментируется, «натурализируется», неожиданно удаляясь от модерна к архаике...»⁵. В рамках одного государства прогрессия такого рода, надо полагать, имеет еще одну историческую закономерность, на которую при анализе уже так называемых «исторических псевдоморфоз» обратил внимание О. Шпенглер. По мнению немецкого историка, социальное и идеологическое влияние одной исторической культуры на другую происходит не всесторонне. Так, например, влияние Европы на Россию распространялось «только на тонкий социальный слой», на элиту российского общества, которая через петровские реформы восприняла европейские культурные формы, в то время как народ продолжал «жить по своим традициям»⁶. Согласно Шпенглеру, народу, «предназначением которого было еще на протяжении поколений жить вне истории, была навязана искусственная и неподлинная история»⁷. Важным моментом здесь является то, что процесс модернизации такого *параллельного* исторического развития имеет, соответственно, и конкретные также параллельные и формы, и содержание социального развития.

В процессе же современной глобализации главным идейным мотивом является как раз то, что это процесс интеграции *всех* стран и народов. Но именно в этом состоит один из ключевых вопросов, а может быть и основная проблема современного цивилизационного развития: что же собой представляет сам процесс интеграции? Тем более, что в этом процессе задействованы все сферы политико-экономической и культурной жизни национальных государств. Теоретически идеология глобализации мыслилась как процесс формирования взаимозависимого мира, единых

¹ Мелков Г.М. Юридическое содержание термина «глобализация» // Материалы науч.-практ. конф. «Глобализационные процессы в сфере права; проблемы правового развития в России и СНГ». 19 апреля 2001 г. М., 2001. С. 35.

² Витушко В.А. Некоторые вопросы истории развития глобализма и дифференциализм в праве // Материалы науч.-практ. конф. «Глобализационные процессы в сфере права; проблемы правового развития в России и СНГ». 19 апреля 2001 г. М., 2001. С. 13.

³ Панарин А.С. Глобальные деконструкции как новейшая стадия развития нигилизма // А.С. Панарин. Русская культура перед вызовом постмодернизма. М.: ИФ РАН, 2005. 188 с. С. 147.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. М.: Мысль, 1998. 606 с. С. 100.

⁷ Там же.

политико-правовых и информационных пространств, а также как появление *единого* экономического пространства. Идея этого «единого экономического пространства» существенно отличается, например, от идеи «мира-экономики», по Ф. Броделю. Основатель мир-системной теории, когда рассуждал о «мир-экономике», конечно, имел в виду не «мировую экономику в целом», а ориентировался на понятие «мир» как понятие, обусловленное *региональной самодостаточностью и хозяйственной независимостью* от других мир-экономик. Мир-экономика, по Броделю, представляет собой сумму «индивидуализированных изолированных пространств, экономических и не экономических, перегруппировываемых таким миром экономикой»⁸. С древних времен мир-экономика объединял существовавшие *локальные цивилизации*: Финикия, Карфаген во времена его величия, эллинистический мир, которые, в свою очередь, по отношению к обширным империям были как бы наброском мира-экономики. Европа, начиная с XI в., создала то, что впоследствии стало ее первым мир-экономикой. По мнению Броделя, до XVIII в. существовал и мир-экономика Московского государства, который был связан с «Востоком, Индией, Китаем, Средней Азией и Сибирью». К этой последовательности относятся самостоятельные мир-экономики Китая, Индии⁹. Мир-экономика, согласно Броделю, не существовал без собственного пространства, в котором он эволюционировал, трансформировался по отношению к себе. Но при этом он существовал вне политических, культурных и религиозных границ.

Современное пространство глобализации экономики создало новую, включающую уже в свое пространство *политическую* составляющую, которая практически диктует новые условия взаимодействия как для экономических, так и для политических объединений (государств). Глобализирующаяся экономика имеет не только собственную валюту, но и собственные модели экономического регулирования, ориентируется на собственные правовые институты, а также структуры управления и системы безопасности¹⁰. К институтам и объединениям такого рода, порожденным глобализацией, относятся прежде всего — Международный валютный фонд (МВФ), транснациональные корпорации (ТНК), Европейский союз (ЕС) и др. В современном политизированном мире, где сложился некий *фе-*

тиш политики, практически, сформировался *новый*, как утверждают аналитики процесса глобализации, «центральный вектор развития — *геоэкономический*»¹¹ (курсив — И.К.), который по сути оттеснил на второстепенные планы остальные сферы и направления исторического развития. Поэтому не учитывать сегодня при анализе системы глобализационных процессов «факта глобальной экономики», подчеркивают исследователи глобализации, — «непростительная ошибка. Еще хуже не видеть качественных от нее изменений»¹². В анализе повседневного влияния экономического, как впрочем, и финансового, факторов на современные государства различных стран необходимо учитывать и то, что влияние осуществляется не только на процесс функционирования современных государств, на их внешние и внутренние процессы, но и на *тенденции* их развития. Особое внимание обращается и на то, что под влиянием процесса глобализации экономики происходят радикальные изменения не только в социально-политических и правовых системах традиционных государств, но и на то, что современный уровень соотношения экономики и политики оказывает существенное влияние на *окружающую — социальную, политическую, культурную, духовную —* среду обитания и жизни человека. Справедливости ради, следует заметить, что в последнее время мировое пространство все больше склоняется не к системе мировой экономики в целом, а, скорее, к системе региональных мир-экономик (так называемых «зон свободной торговли»)¹³.

В свое время Фридрих Ницше предупреждал, что XX в. станет веком борьбы различных сил за мировое господство, осуществляемой при помощи философских принципов, которые приобретут идеологическое измерение. В чем, бесспорно, оказался прав философ, так это в том, что мировоззренческие и философские принципы в XX столетии не только приобрели идеологическое измерение, но и послужили основой политической практики. Продолжая историческую преемственность, XXI в. предложил мировому сообществу более «совершенную», можно сказать, — универсальную модель — политизацию всего общественного пространства: будь то сфера экономики, или права, или информатики и т.п. Однако парадоксальность этого ориентира состояла как раз в том, что именно чрезмерная политизация спровоцировала вселенский поли-

⁸ Бродель Ф. *Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.*: в 3 т. М.: Прогресс, 1992. Т. 3. С. 16.

⁹ Там же.

¹⁰ Стешенко Л.А. *Глобализация, национальные отношения и государственная политика России* // *Материалы науч.-практ. конф. «Глобализационные процессы в сфере права: проблемы правового развития в России и СНГ»*. 16 апреля 2001 г. М., 2001. С. 46.

¹¹ Кочетов Э.Г. *Глобалистика: мировая трансформация и стратегия России (мир как пролог нового ренессанса и преддверие нового человека)* // *Философия хозяйства*. 2002. № 1 (19). С. 128.

¹² Осипов Ю.М. *Глобальная экономика: не ИФ, а реальность, хотя и трансцендентная* // *Философия хозяйства*. 2002. № 2 (20). С. 13.

¹³ Торгово-экономический блок — БРИКС, Шанхайская организация сотрудничества — ШОС.

тический кризис и поставила под удар основополагающую идею самой глобализации — как объективного и безальтернативного процесса исторического развития.

Конечно, нет смысла сегодня возражать по поводу того, что современная теория мирового пространства имеет много нареканий. И все-таки, следует отметить, что самым непредсказуемым оказался так называемый процесс «глобальной интеграции», оборотной стороной которого стал процесс национальной дезинтеграции. Немецкий социолог Ю. Хабермас, рассуждая об интеграции, считал, например, что это процесс расширения *собственного, национального горизонта* и что интеграция предоставляет, замкнувшись в себе культурам, возможность раскрыться не только внутренне, но и внешне открыться для других культур. В целом, позитивный результат интеграции Хабермас видел в том, что она затрагивает прежде всего *мощь самой национальной культуры*, которая становится более многогранной как во внутреннем, так и во внешнем измерении. Не исключено, что столь оптимистичный, можно сказать, романтический, взгляд на процесс интеграции, не вполне согласующийся с проблемами сегодняшнего дня, присущ был мировоззрению человека, рассуждающему на эту тему, пять — десять лет назад. И вполне очевидно, что сегодня такие упрощенные схемы уже не актуальны.

Более пристального внимания и интереса заслуживают утверждения Хабермаса о том, что проблема интеграции, с одной стороны, ничего общего не имеет «с будущим Европейского союза, так как каждое национальное общество должно находить к ней свой подход»¹⁴. И к тому же интеграция касается, согласно Хабермасу, только *старейших национальных государств*, которые «реагируют на проблемы интеграции с гораздо большей чувствительностью, чем такие общества переселенцев как США или Австралия»¹⁵. С другой стороны, Хабермас утверждал, что в отличие, например, от Соединенных Штатов Америки — Соединенных Штатов Европы быть не может, «потому что этому образованию недостает фундамента в виде одного европейского народа»¹⁶. На самом деле, как показывает практика, сегодня обстоятельства складываются несколько иначе — именно Европейский Союз, независимо от того, имеет или не имеет основания, тем не менее, навязывает национальным государствам свою концепцию интеграции. Впрочем, рассуждая о позитивных смыслах интеграции, Хабермас в то же время выражал свои сомнения по поводу того, *возможно ли, и если возможно, то насколько* —

«*транснациональное расширение гражданской солидарности по «диагонали» через Европу»*¹⁷ (курсив — И.К.).

Наверно, рассуждать о межкультурной интеграции лишь как о возможности географического перемещения одной культуры на территорию другой, бессмысленно. Понятно, что в теоретическом и методологическом плане процесс глобальной интеграции имеет несколько иные ориентиры, чем те, о которых рассуждает Хабермас. Но важно отметить, что интеграция — это не просто передача, тем более, гуманитарная, культурного опыта, прежде всего — это процесс объединения, сотрудничества, *взаимного приспособления к новым международным условиям политико-правовой и экономической жизни стран и народов*. Интеграционный процесс — это прежде всего форма *интернационализации* производственно-хозяйственной деятельности и социокультурной жизни народов и стран. И если говорить о настоящем времени, то, как показывает опыт, процесс глобальной интеграции в большей степени имеет негативный смысл, чем позитивное значение. И наверно это связано с тем, о чем, безусловно, рассуждал и Хабермас, что противоборствующие интеллектуальные тенденции современности *коренятся прежде всего в различии культурных традиций*. Нет смысла отрицать, что традиции присутствуют во всех социальных и культурных системах, являясь необходимым условием их существования. В таком случае, стоит ли в угоду так называемой «*толерантности*» игнорировать культурный код и пренебрегать собственными правилами жизни, сформулированными и закрепленными исторически, подвергая тем самым жизнь собственного народа опасности. Вряд ли политические мотивы могут оправдать подобное предательство по отношению к историческим завоеваниям народа, его культуре и формам жизни.

Обозревая панораму современной мировой жизни, аналитики теории глобализации задают вопрос: возможны ли вообще межкультурная интеграция и диалог культур. Или это процессы давно минувших дней, которые слишком сложны сегодня для их осуществления. Не похож ли современный процесс интеграции одной культуры в другую на подмену этой культуры другой. Как показывает исторический опыт, полной интеграции не существует. И то, во что верят, например, современные европейцы — в возможность приютить, накормить, воспитать, научить (гуманитарные и либеральные ценности), вряд ли осуществимы простым арифметическим действием: сложения, прибавления, умножения. Тема кризиса глобальной интеграции заслуживает

¹⁴ Хабермас Ю. Ах, Европа! М.: Весь мир, 2012. 160 с. С. 75.

¹⁵ Там же. С. 76.

¹⁶ Там же. С. 75.

¹⁷ Там же. С. 76.

пристального внимания в том числе и потому, что современная реальность, ее политическая составляющая, провоцирует иные, отличные от универсальных, ценности межкультурной коммуникации. На повестку дня сегодня выходят не проблемы сотрудничества, а, напротив, проблемы религиозной и культурной нетерпимости.

Тема мультикультурного кризиса широко и достаточно объективно представлена в исследованиях отечественного специалиста в области социальной философии, профессора В.Г. Федотовой в книге «Модернизация и культура». В частности, автор отмечает, что «кризис Европы в отношении с мигрантами был объявлен ЕС уже несколько лет назад» и назван он был «концом мультикультурализма». В странах ЕС, подчеркивает Федотова, интеграции не было, как и не было культурного взаимодействия миграционных анклавов с «культурно-исторической общностью Европы или ее конкретной страны (...)»¹⁸. Причины же, по которым процесс интеграции в Европе не может быть назван «мультикультурализмом», по мнению автора, коренятся как в самом процессе интеграции, так и в политике ЕС и регионов. Федотова называет процесс европейской интеграции процессом «культурной фрагментации», процессом *включения* «новоприбывших мигрантов с их собственными культурами в коренное население Европы», которое осуществлялось, впрочем, осуществляется и поныне, «в качестве анклавов»¹⁹.

Европейские интеграционные процессы автор книги сравнивает с интегративными тенденциями в современной России. Согласно Федотовой, в России «мультикультурализм и наличие гражданской идентичности всего общества и региональных сообществ существенно отличает ситуацию от той, которая сложилась в странах ЕС: Россия остается устойчиво мультикультуралистской»²⁰. В отличие от европейских интеграционных процессов в России «направлены на ее самоопределение, тождественное ее целостности и формируемой ею российской гражданской идентичности». К тому же мультикультурализм в России представляет собой *совместное*, но при этом *автономное* «проживание народов с разной этнической и культурной идентичностью». Наличие автономии подразумевает наличие своей собственной региональной гражданской идентичности, но при этом разделяющей «общероссийскую»²¹.

Разумеется, не только эта тема сегодня привлекает внимание общественности, на повестке

дня куда более глобальные проблемы, которые непосредственно связаны с самим понятием «глобализация». Сегодня на политической и мировой арене обстоит так, что в век глобализации международных процессов и отношений именно понятие глобализация, или общемировое пространство, поставлено под удар кризисом в политике. В то время как всем казалось, что человечество в своих теоретических проектах и политических амбициях наконец-то достигло консенсуса и общецивилизационной гармонии, на самом деле обнаружилось, что именно это общемировое пространство подверглось серьезному испытанию и, главное, *переоценке универсальных ценностей*. Именно сегодня вдруг стало ясно, что не все общемировые ценности являются приоритетными. И что нельзя, например, сегодня быть уверенным, что *завтра* наступит, потому что человека не сможет защитить основополагающее конституционное право человечества — право на жизнь. И что целые государства, народы, этносы в век глобализационных процессов (гуманитарного и технического прогресса, нанотехнологий и т.п.) окажутся не перед дилеммой — что-либо изменить к лучшему или хотя бы сохранить то, что есть, а вынуждены будут в мировом пространстве так называемых сосуществования и солидарности страдать от осознания своей беспомощности и незащищенности.

Современный социально-политический кризис, спровоцированный политиками, показал всему миру, как устоявшиеся привычные для всех универсальные ценности, усвоенные практически всем мировым сообществом как нормы общественного существования, могут в одночасье стать обезличенными. Вчера еще казавшееся невероятным, сегодня вдруг становится реальным. И в век глобализации международных отношений совершенно безнаказанно можно, например, дискредитировать основополагающий принцип международного сотрудничества — право народов (*ius gentium*) или *международное право*, призванное защищать прежде всего права человека. Однако в свете последних политических событий, развернувшихся в Украине и в странах Ближнего Востока, налицо кризис таких понятий как «международное сообщество» или «общецивилизационное развитие».

В контексте современной, активно меняющейся «картины мира» любое теоретическое исследование должно ориентироваться прежде всего на новую, формирующуюся современностью модель социальных отношений. Поэтому при исследовании или конструировании социальных моделей или проектов необходимо учитывать прежде всего то, что в любой интегрированной системе социокультурных явлений «все основные ее элементы являются с различной

¹⁸ Федотова В.Г. Модернизация и культура. М.: Прогресс-Традиция, 2015. 336 с. С. 61.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 60.

степенью интенсивности взаимозависимыми»²². И то, что любые формы социального моделирования должны быть сориентированы прежде всего на *улучшение*, а не на ухудшение, социальных форм жизни. И обсуждать все процессы социального развития — от локальных до глобальных — необходимо в таком случае с учетом именно позитивного их влияния на социальную и общественную жизнь и, прежде всего, на жизнь самого человека.

И, конечно, такого рода установки касаются не только тех, кто моделирует или конструирует социальные проекты, но также практиков, которые непосредственно воплощают идеи и проекты в жизнь. И, наверно, нет смысла, пропагандируя с современных позиций демократические ценности: толерантность, либерализм как ценность и т.п., игнорировать, формировавшиеся веками, фундаментальные основы общественной институциональности. Как и нет смысла вместо истинного значения понятий, включающих в свое смысловое содержание определенный культурный контекст, предлагать *вторичное* осмысление слов, радикально обновляя их традиционное сущностное значение. Примерно так происходит сегодня, например, с восприятием понятия «либерализм». Современные политики, придавая понятию *либерализм* современный смысл, забывают о том, что центральной идеей классического либерализма всегда была идея органической связи *политической*, а не какой бы то ни было еще, свободы с твердостью закона и власти. Важно подчеркнуть, что исторически либерализм выделен и определен не «духом свободы» как таковой, а прежде всего представлением о *ее главных условиях* и *ее месте в иерархии других* социально обусловленных *ценностей*. И в этом смысле свобода не является основополагающей целью, определяющей путь, например, к счастью или самосовершенствованию. Свобода в данном понимании становится лишь *условием* возможностей для реализации потребностей человека. В рамках государства свобода, как считал, например, отечественный правовед и юрист Б.Н. Чичерин, не состоит в одном лишь «приобретении и расширении прав»²³, а утверждается на почве охраняемого властью законного порядка (в отличие, например, от анархической свободы). Отсюда проистекает основное направление либерализма, нацеленное не на свободу, равноценную произволу, а прежде всего на правовое закрепление либеральных принципов, на определение права как основного регулятора социальных от-

ношений. Именно о таком типе либерализма — классическом — рассуждал и Чичерин. Правовед назвал такой вид либерализма «охранительным» и считал, что он должен действовать по принципу «либеральные меры и сильная власть»²⁴. Другие же два вида либерализма, которые он назвал «либерализм уличный» и «либерализм оппозиционный», он обоснованно критиковал, выделяя в них негативные моменты.

Безусловно, для современного человека важно прежде всего определить позитивный смысл того порядка социальных отношений, который в конечном итоге мог бы стать его социальным ориентиром и который не просто отвечал бы его интересам, но соответствовал бы объективным требованиям основополагающего социального принципа — права на достойное человеческое существование. В процессе своей исторической эволюции человечество выделило тип социально-политической и общественной организации, назвав его *демократическим* порядком и образом жизни. Данный тип социального порядка в первую очередь предполагает наличие и соблюдение социального принципа, согласно которому отличия между обществом и индивидом должны проявляться не в виде конфликтов или противостояний, когда один из двух должен подчиниться воле другого, напротив, такое отличие должно соответствовать принципу *добровольного* взаимодействия. И важно здесь понимать, что государственная политика, нацелившаяся на демократическую общность, для своего развития должна, как справедливо заметил Хабермас, учитывать, что любой *фундаменталистский настрой* в ней несовместим с ментальностью, которую разделяет большинство граждан²⁵. Главным постулатом в организации общественного порядка должно срабатывать то, что никакая политическая организация, это касается и современных форм государственности, не возникает и не может возникнуть с чистого листа. Невозможно искусственно вызывать когнитивные установки будь то с религиозной, или с секулярной стороны, потому что нельзя, например, в одночасье изменить сознание человека или людей. Эти процессы формируются в результате исторических изменений и по сути представляют собой изменения менталитета, происходящие *независимо* от рационально изменяющихся идей или политических пристрастий. Соответственно, смыслообразующие концепты современной государственной политики, если, конечно, ориентироваться на позитивные результаты, должны эти факторы учитывать, иначе неизбежно будут возникать конфликты, а то и экспансия.

²² Сорокин П. Структурная социология // Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с. С. 188.

²³ Чичерин Б.Н. Различные виды либерализма // Просвещенный консерватизм. Российские мыслители о путях развития российской цивилизации. М.: ГРИФОН, 2012. 608 с. С. 37.

²⁴ Там же. С. 30–41.

²⁵ Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи. М.: Весь мир, 2011. С. 9.

В общем плане современная глобализация отмечена не только обезличиванием, а в некоторых случаях и трансформацией политико-идеологических основ, административно-государственных синтезов, гражданских социальных консенсусов, которые еще недавно всем казались практически незбылемыми. Вполне очевидно и то, что главным ее результатом стало ослабление государственного суверенитета и уже сложившихся форм социальной защиты. До некоторого времени вполне устойчивым представлением было то, что государство как политическое образование представляет собой самый надежный институт по организации и сохранению правопорядка, что оно является системой социальной защиты граждан. В настоящее время именно этот институт переживает серьезный кризис. Сегодня речь идет уже о том, сохранит ли государство свою территориальную целостность, т.е. свои границы, свою реальность, а значит и свою идентичность. Будет ли существовать государство как субъект истории. Потому что именно сегодня, и это очевидно, многие государства утрачивают свою легитимность и демонстрируют неспособность исполнять взятые на себя социальные обязательства по поддержанию как правопорядка, так и по защите от внешних угроз, а также по обеспечению населения «социальными благами». Некоторые современные государства уже не могут контролировать и охранять политическую, военную, экономическую, социальную, культурную жизнь собственного народа в той степени, в какой это осуществлялось до сих пор. Именно такое положение рассматривается в качестве одной из причин трансформации современного мира. Понятно, что процесс трансформации присутствует в истории, но важно то, что для разных стран и народов он имеет неодинаковые последствия: если для одних этот процесс может открыть новые перспективы и возможности, то для других он может создать условия не только для стагнации, но даже и деградации.

О расцвете и упадке государства рассуждал израильский историк и военный теоретик Мартин ван Кревельд, который в конце двадцатого столетия утверждал, например, что многие существующие государства — от Западной Европы до Африки — «вольны или невольны либо объединяются в более крупные союзы, либо распадаются». Но важно здесь даже не это, а то, что «многие их функции перехватываются различными организациями, которые, какой бы ни была их природа, определенно не являются государствами»²⁶.

В принципе, такая оценка вполне соответствует содержанию глобализации, но следует заметить, что она не раскрывает до конца проблем,

связанных с самим процессом, как и то, что глобализация сопровождается неким *деконструктивным* разрушением национальной государственности. На самом деле это лишь частный аспект серьезного процесса *смены социально-политических парадигм*. При теоретическом рассмотрении методологически значимых проблем, связанных с воздействием процесса глобализации на национальные государства и правовые системы, аналитики глобализации указывают, например, на такую особенность как *опережающее развитие функциональной стороны глобализации по сравнению с ее институциональной* стороной. Отмечается, в частности, и то, что чрезмерная активизация функциональной стороны глобализации без развития ее институциональной стороны в конечном итоге может привести не только к распаду всякой устойчивой социальности, образующей и поддерживающей системообразующие формы существования государственности, но может спровоцировать и так называемый *вселенский «хаос»*²⁷. Определенные трудности возникают и с созданием «глобальных институтов или политических систем», которые по сути становятся наднациональными и практически надправовыми в общем понятии правовой системы как таковой и которые обслуживают интересы отдельных стран и олигархических групп.

В данном случае бесспорно, что именно глобализация фактически создала условия для формирования наднациональных систем регулирования. Как и то, что современная политико-правовая реальность серьезно повлияла на классическую теорию государства и права, вследствие чего современное понятие «централизованное государство» не имеет уже того доминирующего значения, которое имело оно для теоретиков политических идей и проектов, например, XVIII или XIX столетий. В новой государственной и правовой реальности все больше политической власти в ряде государств передается в руки децентрализованных региональных институтов. В последнее время возникло множество международных институтов, наделенных властью принимать собственные решения²⁸. Европейский Союз (ЕС), например, взял на себя часть правовой компетенции государств — участников Союза. В принципе, изменение политической и правовой реальности такого рода заставляет преобладающую сегодня теорию государства адаптироваться

²⁷ Ильин М.В. Глобализация политики и эволюция политических систем // Глобализация политики и эволюция политических систем: Глобальные социальные и политические проблемы в мире. М., 1997. С. 47.

²⁸ К таким организациям относятся, например, межправительственные (ВТО), Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Европейский суд по правам человека в Страсбурге, негосударственные — Международный олимпийский комитет, Европейский Союз (ЕС) и многие др.

²⁶ М. ван Кревельд. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. 544 с. С. 9.

к новым условиям, соответственно, в результате таких перемен формируется более гибкое отношение и к предствлениям о правовом плюрализме, о плюрализме правопорядков, а значит, возникает необходимость сформулировать более широкое, не сориентированное на государство понятие права. В данном случае, конечно, речь должна идти о *социальном* характере и значимости негосударственного права, которое в свою очередь должно соответствовать практике социальной жизни современного человека.

В социальной реальности правовой плюрализм является следствием фактического плюрализма. Об этом писал, например, социолог и правовед Г.Д. Гурвич, создавший в нач. XX столетия теорию *социального права*. По Гурвичу, правовой плюрализм состоит из отношений государственного права и других видов права, которые мыслитель называл «автономными юридическими порядками». Правовое учение Гурвича ориентировано было на синтез, интеграцию разных аспектов права, которые в классических правовых теориях рассматривались как несовместимые. Социально-правовые разработки мыслителя сосредоточивались вокруг «проблем целостности общественной жизни, соотношения целостности, единства, с одной стороны, и автономии, свободы социального действия — с другой»²⁹.

Конечно, плюрализм учений о праве касается прежде всего его формы и содержания. Существование плюрализма правопорядков, между тем, не исключает необходимости говорить и об однородности права, нормы которого образуют так называемое *объективное* право, обязательное для исполнения *неопределенным* кругом лиц, т.е. всеми без исключения гражданами государства. И важно отметить, что негосударственные социальные институты, создавая обязательные нормы для членов союза, в то же время не имеют возможности создавать такое *объективное* право, такое полномочие принадлежит только государству. Государство при полной монополии на создание объективного права, между тем, регулирует не все общественные отношения, а только наиболее важные, защита которых позволяет сохранять и поддерживать правопорядок как в самом государстве, так и на уровне общественных отношений. В данном случае речь идет не только об определении самого понятия «право», но и о четком разграничении в юридической науке и практике содержаний таких понятий как «право» и «закон».

Сегодня «право» и «закон» принято выводить из самих этих понятий, постулируя тем самым их безусловную самодостаточность, в отличие, например, от древних времен, когда право выводило

лось из обычая. Справедливости ради следует заметить, что до сих пор нет четкого различения по поводу того, что собой представляет право, а что закон, к сожалению, даже среди профессиональных юристов. По этому поводу продолжают, как и более столетия назад, профессиональные дискуссии о соотношении права и закона. Но, как и более столетия назад, многие формы неофициального права, т.е. того права, которое не было создано или признано государством, в обычном (юридическом и неюридическом) лексиконе (словоупотреблении) «правом» не называются.

Учитывая диалектику системообразующего порядка такого рода отношений, стоит ли сегодня в угоду политическим интересам и пристрастиям совершенно спонтанно отречься от сложившихся веками форм социальной жизни? Стоит ли менять когнитивные установки людей, их культурные коды, ради маниакального стремления и пристрастия властолюбивых политиков или политически ориентированных групп? Понимание роли права, соответственно, и осмысление существования правовой реальности как данности социальной жизни современного человека, не может быть дано фактически, все это является результатом долгого исторического процесса формирования правовой культуры. Стоит ли в таком случае разрушать то, что уже оформилось и, надо заметить, имеет вполне позитивные результаты. Может быть лучше, учитывая современные тенденции и условия развития, сориентироваться на улучшение или усовершенствование уже имеющихся, многим понятных форм социальной жизни, как в рамках конкретного государства, общества, так и в общемировых масштабах. И может быть стоит сосредоточить больше внимания на формировании или развитии правовой культуры как отдельного человека, так и общества в целом. Тем более, что идейным мотивом теоретического осмысления права и правовой реальности для правовой природы современного человека является как раз то, что правовые условия на самом деле это абсолютно необходимые условия достойной человека жизни — всех и каждого. Для современного человека главным и практически определяющим фактором осознания им важности и значимости существования права и правовой реальности должно стать признание того, что в абстракциях права за внешней условностью речь идет о самом главном и существенном в жизни индивида и всего социума: о свободе, справедливости, равенстве.

Человек, пребывая в поисках новых принципов и знаний, новых средств и форм социальной организации, независимо от того, на каком уровне развития он находится (на начальном, архаичном уровне, или движется по пути прогресса), всегда руководствовался свободой. Такие понятия как «свобода», «справедливость» в об-

²⁹ Антонов М.В. Право и общество в концепции Георгия Давидовича Гурвича. М.: 2013. 448 с. С. 207.

щественном пространстве являются наилучшими социальными гарантиями не только развития общественной культуры, но и самой жизни человека. Без такого рода *социального ориентира* практически невозможен дальнейший процесс осмысления каких бы то ни было форм общественного развития. И важно учитывать то, что современные процессы, в которые непосредственно или опосредованно включен человек, затрагивают самое главное для человека — сферу его социальной жизни. Но социализация человека это не просто номенклатурная включенность его в социальное пространство, которое принято называть обществом или государством, прежде всего это пространство жизни самого человека, осознанное и принятое им как необходимое жизненное пространство. В данном случае важным аспектом социализации человека является тот факт, что каждый, хотя и получает от рождения в готовом виде принципы социальной ориентации, сформулированные как определенные правила общественного поведения, тем не менее в процессе социализации может либо принимать безоговорочно правила жизни, приспособляясь к существующим формам социальной нормативности, либо стремиться неким образом влиять на их изменения, адаптируя общественные смыслы под собственные интересы. Конечно, если эти интересы не противоречат нормам общественной жизни.

Безусловно, глобализация — это объективный процесс, охватывающий практически все сферы общественной жизни. И также верно то, что этот процесс в той или иной мере носит системный характер: различают, например, политическую глобализацию и экономическую глобализацию. Совершенно очевидно, например, то, что глобализация экономики, хотя и сложный, и противоречивый процесс, но, тем не менее, закономерный процесс мирового развития. Но, что можно сказать о политической глобализации, когда она провоцирует, например, ослабление национальных государств, изменение и сокращение их суверенитета? Тем более, что, следуя логической последовательности, именно процесс трансформации национальных государств оказывает влияние на состояние системы международных отношений. И уж тем более не совсем понятно как быть с понятием «глобальное общество» (*global society*), которое по определению состоит из множества локальных обществ отдельных стран мира. В таком случае как гражданин мира или, как говорили древние греки, «гражданин космополии», а в современной интерпретации гражданин «общества мира» должен себя чувствовать и на что ему ориентироваться? Каким вообще должно быть его социальное поведение? Или в глобальном мире это уже не имеет значения? Конечно, в обществе по-

требления главное «иметь», а не «быть». Не вытесняет ли идеология глобализации суть самой жизни человека на Земле? И что означают такие фразеологии как «свободный доступ» к «мировому пространству»...?

Разумеется, у глобализации, как у любого исторического явления, есть свои сторонники, которые утверждают, что все современные процессы и связанные с ними негативные явления имеют естественный характер и ими невозможно управлять. Есть и критики, которые, напротив, убеждены, что крупные государства в состоянии значительно уменьшить негативное влияние последней. Остается только надеяться, что посредством разумной политики во всех областях современной жизни удастся преодолеть негативное влияние так называемого «неолиберального» варианта глобализации.

Список литературы

1. Антонов М.В. Право и общество в концепции Георгия Давидовича Гурвича. М.: 2013. 448 с.
2. Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т. М.: Прогресс, 1992. Т. 3.
3. Витушко В.А. Некоторые вопросы истории развития глобализма и дифференциализма в праве // Материалы науч.-практ. конф. «Глобализационные процессы в сфере права; проблемы правового развития в России и СНГ». 19 апреля 2001 г. М., 2001.
4. Ильин М.В. Глобализация политики и эволюция политических систем // Глобализация политики и эволюция политических систем: Глобальные социальные и политические проблемы в мире. М., 1997.
5. Кочетов Э.Г. Глобалистика: мировая трансформация и стратегия России (мир как пролог нового ренессанса и преддверие нового человека) // Философия хозяйства. 2002. № 1 (19).
6. Мартин ван Кревельд. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. 544 с.
7. Мелков Г.М. Юридическое содержание термина «глобализация» // Материалы научно-практической конференции «Глобализационные процессы в сфере права; проблемы правового развития в России и СНГ». 19 апреля 2001 г. М., 2001.
8. Осипов Ю.М. Глобальная экономика: не ИФ, а реальность, хотя и трансцендентная // Философия хозяйства. 2002. № 2 (20).
9. Панарин А.С. Глобальные деконструкции как новейшая стадия развития нигилизма // Панарин А.С. Русская культура перед вызовом постмодернизма. М.: ИФ РАН, 2005. 188 с.
10. Сорокин П. Структурная социология // Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
11. Стещенко Л.А. Глобализация, национальные отношения и государственная политика России // Материалы науч.-практ. конф. «Глобализационные процессы в сфере права: проблемы правового развития в России и СНГ». 19 апреля 2001 г. М., 2001.
12. Федотова В.Г. Модернизация и культура. М.: Прогресс-Традиция, 2015. 336 с.
13. Хабермас Ю. Ах, Европа! М.: Весь мир, 2012. 160 с.
14. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи. М.: Весь мир, 2011.
15. Чичерин Б.Н. Различные виды либерализма // Просвещенный консерватизм. Российские мыслители о путях развития российской цивилизации. М.: ГРИФОН, 2012. 608 с.
16. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. М.: Мысль, 1998. 606 с.

The Relation Between Historical and Contemporary Aspects of Society in the Globalization Process

Katsapova I.A.,
PhD in Philosophy,
Senior Research Assistant at Institute of Philosophy
of Russian Academy of Sciences
E-mail: katsapova@gmail.com

Abstract. *In the article the problems of present stage of globalization are discussed. Globalization affects the socio-historical forms of development of societies and states. The current socio-political crisis has created the problem of a sharp aggravation of international relations and the problem of radical renewal of the social and cultural meanings. The process of countries and peoples integration is discussed, and the problem of intercultural integration is focused. Also the theme of pluralism of doctrines of law and the pluralism of legal systems is discussed. The impact of global economy on the processes of change in the traditional states and jurisdictions is revealed. The nature of globalization — the ratio of its functional and institutional sides is described.*

Keywords: *globalization, integration, culture, society, state, person, right, law.*

References

1. Antonov M.V. Pravo i obshchestvo v kontseptsii Georgiya Davidovicha Gurvicha. M.: 2013. 448 s.
2. Brodel' F. Vremya mira. Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.: v 3 t. M.: Progress, 1992. T. 3.
3. Vitushko V.A. Nekotorye voprosy istorii razvitiya globalizma i differentsializm v prave // Materialy nauch.-prakt. konf. «Globalizatsionnye protsessy v sfere prava; problemy pravovogo razvitiya v Rossii i SNG». 19 aprelya 2001 g. M., 2001.
4. Il'in M.V. Globalizatsiya politiki i evolyutsiya politicheskikh sistem // Globalizatsiya politiki i evolyutsiya politicheskikh sistem: Global'nye sotsial'nye i politicheskie problemy v mire. M., 1997.
5. Kochetov E.G. Globalistika: mirovaya transformatsiya i strategiya Rossii (mir kak prolog novogo renessansa i preddverie novogo cheloveka) // Filosofiya khozyaystva. 2002. № 1 (19).
6. Martin van Krevel'd. Rastsvet i upadok gosudarstva. M.: IRISEN, 2006. 544 s.
7. Melkov G.M. Yuridicheskoe sodержanie termina «globalizatsiya» // Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Globalizatsionnye protsessy v sfere prava; problemy pravovogo razvitiya v Rossii i SNG». 19 aprelya 2001 g. M., 2001.
8. Osipov Yu.M. Global'naya ekonomika: ne IF, a real'nost', khotya i transsendentnaya // Filosofiya khozyaystva 2002. № 2 (20).
9. Panarin A.S. Global'nye dekonstruktsii kak noveyshaya stadiya razvitiya nigilizma // Panarin A.S. Russkaya kul'tura pered vyzovom postmodernizma. M.: IF RAN, 2005. 188 s.
10. Sorokin P. Strukturnaya sotsiologiya // Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo. M.: Politizdat, 1992. 543 s.
11. Steshenko L.A. Globalizatsiya, natsional'nye otnosheniya i gosudarstvennaya politika Rossii // Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Globalizatsionnye protsessy v sfere prava: problemy pravovogo razvitiya v Rossii i SNG». 19 aprelya 2001 g. M., 2001.
12. Fedotova V.G. Modernizatsiya i kul'tura. M.: Progress-Traditsiya, 2015. 336 s.
13. Khabermas Yu. Akh, Evropa! M.: Ves' mir, 2012. 160 s.
14. Khabermas Yu. Mezhdru naturalizmom i religiyey. Filosofskie stat'i. M.: Ves' mir, 2011.
15. Chicherin B.N. Razlichnye vidy liberalizma // Prosveshchenny konservatizm. Rossiyskie mysliteli o putyakh razvitiya rossiyskoy tsivilizatsii. M.: GRIFON, 2012. 608 s.
16. Shpengler O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii. T. 2. M.: Mysl', 1998. 606 s.